

Л.И. ИВОНИНА

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЕВРОПЫ

Статья представляет собой размышления по поводу книги Х. Духхардта «Миниатюры мира. К истории культуры и иконографии мира в раннее Новое время». Исследование мирных конгрессов во время Вестфальской системы сталкивает ученых не только с меняющимися концепциями международных отношений, но и с новыми практиками презентации дипломатии в Европе. Анализируя иконографию, публицистику и дипломатическую культуру мирных конгрессов, Духхардт дает импульс для новых исследований взаимодействия культуры и дипломатии. Автор статьи полагает, что перформативная природа и художественное оформление конгрессов подчеркивали как европейский характер мира, так и протопатриотические настроения, которые он вызывал. Репрезентативное и дипломатическое искусство примирило и объединяло противников даже в условиях жесткой конкуренции.

Ключевые слова: мир, международный конгресс, иконография, дипломатия, символика, живопись, публицистика

Проблематика мира всегда была актуальной, но, начиная с 1970-х она, как выразился известный немецкий историк Хайнц Духхардт, следуя «модной» тенденции, стала приобретать одухотворенность – в историографии стали все больше внимания уделять культурной репрезентации мира. При этом подавляющее большинство изданий на эту тематику являются результатом коллективной работы исследователей, что объясняется ее композитарным и междисциплинарным характером. Среди них – фундированные издания к юбилею Вестфальского мира, коллективные монографии «Созидание мира в Европе 1450–1815. Искусство дипломатии, дипломатия искусства» (Берлин-Мюнхен, 2013) и «Театр войны – театр мира» (Геттинген, 2018). Примечательны также работы, переосмысливающие значение отдельных конгрессов на основе исследования взаимосвязи между культурой и политикой. Кроме того, на рубеже XX–XXI вв. состоялось значительное количество международных научных форумов, приуроченных к юбилеям окончания европейских войн, на которых были ярко продемонстрированы трансляция и восприятие мирных Конгрессов в широких слоях общества. Обращение исследователей к публичной репрезентации европейских конгрессов весьма значимо в русле изучения оценки современниками и потомками ключевых событий Европы раннего Нового времени и коммеморативных практик. В культуре памяти той эпохи мирные переговоры играли не меньшую, а, возможно, даже большую роль, нежели сражения и войны¹.

В русле исследований репрезентации мира органично вписывается ряд книг Х. Духхардта, все научные изыскания которого, начиная с его

¹ Duchhardt 2019: 3; Kaulbach 2013: 11; Dingel, Paulmann, Schnettger, Wrede 2018; de Bruin, van der Haven, Jensen, Onnekin 2015; Duchhardt, Espenhorst 2013.

первой книги 1976 г., связаны с историей дипломатии от Вестфальского до Венского мирных конгресса. В последней из его работ, явившейся импульсом для написания данной статьи, проанализированы проблемы политической культуры и иконографии раннего Нового времени, причем каждый очерк представляет собой самостоятельное исследование мира в образном и публицистическом отражении на оригинальную тему: символические рамки от заключения до визуализации мира, коллективную память о провальных международных конгрессах, «теневые» фигуры конгрессов, особенности их отражения в живописи и т.д.²

Правовое оформление Вестфальской системы, начавшееся после заключения мирных договоров в Мюнстере и Оснабрюке, венчавших окончание Тридцатилетней войны (1618–1648), сопровождалось ее публичным восприятием и признанием. В первую очередь, это демонстрировали мирные конгрессы, которые являлись не только общим переговорным процессом, но и местом презентации значения и культуры каждого государства. С Вестфальского мира Европа, по меткому замечанию историка А. Шиндлинга из Тюбингена, стала «Европой конгрессов»³.

Системный характер международных отношений требовал строгого соблюдения развивавшегося международного права, что любому государству необходимо было публично демонстрировать. В рамках Вестфальской системы имела место эволюция многосторонней дипломатии, во многом обусловленная развитием гуманитарного права, на основе которого были выработаны правовые нормы, призванные регулировать правила ведения войны и стремиться к миру. В этом смысле конгрессы презентовали известную формулу Гуго Гроция о том, что целью справедливой войны, если она становится неизбежной, является заключение мира. «Мир лучше войны, когда неизвестно, за кем будет победа», – замечал еще в 1559 г. художник Михаэль Кирмер из Регенсбурга. «Мир – наилучшее из благ, война – наихудшее из зол», – писал французский мыслитель и математик XVII в. Блез Паскаль. В сущности, эти высказывания, как и положения Гроция, являются рецепцией из знаменитого сочинения римского историка Тита Ливия: «Лучше мир, чем надежда на победу, потому что мир – в твоих руках, победа же – в руках богов»; «Достигнутый мир лучше и надежнее ожидаемой победы»; «Война справедлива для тех, для кого она неизбежна»⁴. Как и многое другое, восприятие войны и мира в раннее Новое время во многом зиждилось на античных традициях. А мирные договоры, как и объявление войны, рассматривались в качестве ключевой категории фиксации границы между миром и войной, стабильностью и хаосом⁵.

Символическая сила особых «дней» – будь то христианский праздник или событие исключительного значения – давала людям раннего

² Duchhardt 2019.

³ Schild, Schindling 2009: 7.

⁴ Kaulbach 2013: 101; Ливий 2018. Кн. IX. 1, 10.

⁵ Гроций 1994. Кн. I, гл. I, п. 1; Кн. II, гл. XXIV; Klessman 2007: 2.

Модерна украшение их повседневной жизни и момент для выражения своего отношения к реальности и власти. А если и то, и другое совпадало? В очерке «День заключения – прагматизм или символика?» Духхардт анализирует выбор противниками в войне даты заключения мира. Им представлены два варианта последних, один из которых, казалось бы, выглядит прагматическим, а другой символическим. На примерах окончания войн между Османской империей и Европой (мир в Пассаровице между Священной Римской империей и Портой 21 июля 1718 г., мир в Кючук-Кайнарджи 21 июля 1774 г.) фигурирует одна и та же дата, повторяющая момент заключения Стамбулом Прутского мира с Петром I в 1711 г. Дата эта, показывает Духхардт, связана в одном случае, для Порты, с позитивной коннотацией, опорой на счастливый для турецкой дипломатии пример, надеждами на будущее, а в другом, для России – с желанием скорректировать результаты Прутского мира⁶. Другими словами, русская дипломатия стремилась превратить плохую дату в хорошую, подобно тому, как римляне в 275 г. до н.э. переименовали местечко Maleventum в Beneventum после разгрома эпирского царя Пирра.

С другой стороны, день Вестфальского мира, заключенного 24 декабря 1648 г., не повторялся на европейских конгрессах впоследствии, хотя сами документы договоров стали каноном международного права. Второй вариант – заключение мира в христианские праздники, «святые дни» – был более распространен в Европе. Так, мир в Раштатте между Францией и Империей был заключен 7 сентября, в день Рождения Марии, а на «танцующем» Венском конгрессе император Александр предложил заключить мир именно в рождественский вечер – 24 декабря⁷. Как бы то ни было, но противопоставлять прагматизм символическому, намечая день заключения мира, не имеет смысла, ибо вследствие публичности мирных конгрессов в двух вариантах присутствуют и то, и другое. Идеология и практика Классической Европы строились на рациональном подходе к внешней и внутренней политике, учитывавшем государственный интерес и менталитет подданных. Как представляется, анализ проблемы Х. Духхардтом подчеркивает именно этот аспект.

По сути, европейский конгресс был тщательно оформленным торжеством мира, требовавшим значительных средств, подробно освещавшимся в прессе и прославлявшимся в мероприятиях светского и религиозного характера, прессе, литературе, живописи, выпуске памятных медалей и монет, и даже моде. Праздником являлся сам конгресс – его открытие, ход и заключение договоров сопровождалось пирами, балами и фейерверками. Это был перформативный акт, как в культурном (мирные торжества), так и в дипломатическом плане (церемониальный характер переговоров). Театральная обстановка конгресса подчеркивала его перформативную природу, по форме он представлял собой пьесу в нескольких действиях, в которых актеры-дипломаты играли свои роли. Город,

⁶ Duchhardt 2019: 16-19.

⁷ Duchhardt 2019: 21-30.

где проходил международный форум, превращался в самое оживленное и дорогое место Европы. Миру радовались все стороны и выделяли финансовые средства, чтобы устроить торжественные мероприятия, а если какое-либо государство по условиям договоров получало коммерческие выгоды и расширяло свои границы, эти средства были еще больше⁸.

Мир был наивысшей целью и обязанностью государей раннего Нового времени, и его аллегории присутствовали в их репрезентации. Политический язык дипломатии был, в основном, разработан и контролировался социальной элитой, которая получила образование в классической культуре латинских школ и университетов. Поэтому символический язык греко-римской античности или реестр библейских ссылок составляли его основную систему отчета. Мир, например, всегда представлялся символической фигурой, относящейся либо к греко-римскому пантеону с его божеествами, либо к иудейско-христианскому миру с его библейскими фигурами, ангелами или раннехристианскими святыми.

На памятных медалях и монетах преобладали изображения аллегорий Мира. Примером служат гравюра Сэмюэла Боттшилда «Поцелуй Справедливости и Мира» по случаю мира в Нимвегене; образы мира на серебряной монете в честь договоров в Мюнстере Энгельберта Кеттлера и на медали к миру в Раштатте Георга Фридриха Нюрнбергера. На монете Кеттлера богиня Пакс на солнечной колеснице, которую мчат по небу два увенчанных коронами льва, несет весть о заключении мирных соглашений⁹. Но Духхардт обратил внимание и на другой аспект, игравший значимую роль в иконографии мира – образ собаки, как символ дружбы, справедливости, доверия и мудрости. Дискуссии о роли этого спутника человека имели место от античности до новейшего времени. Яков I Стюарт (1603–1625), который считал, что дьявол способен обернуться собакой, кошкой, обезьяной и «тому подобным существом», пускаясь на всевозможные уловки, чтобы обмануть простодушных христиан, даже прервал ученые споры в Кембриджском университете о логическом понимании образа собаки. Тем не менее, в символизме христианства собака означает верность, бдительность, охрану, а иногда даже становится аллегорией священника, «доброго пастыря». В представлениях того времени собака должна была являться посредником, словно Гермес в античном мире, между земным миром и божественным. Этот образ, еще отсутствуя в изображениях в Мюнстере и Оснабрюке, появляется именно во время правового оформления Вестфальской системы. Собака на первом плане присутствует на картинах Анри Гаскара «Подписание мира между Францией и Испанией в Нимвегене» (1678) и Иоганна Рудольфа Хубера «Делегаты Баденского мирного конгресса» (1714), портретах государей и известных дипломатов кисти Гольбейна, Рубенса, ван Дейка. Собака также подчеркивала суверенитет правителя¹⁰.

⁸ Duchhardt 2019: 13-14; de Bruin, van der Haven, Jensen, Onnekink 2015: 1.

⁹ Kaulbach 2013: 48-49.

¹⁰ Duchhardt 2019: 37-58.

Тему иконографии логично продолжает анализ уже упомянутой монументальной картины Нимвегенского конгресса французского художника Анри Гаскара. Несмотря на особенности ее создания, эта картина стала классическим полотном, изображающим мирный конгресс. На эти особенности и обратил внимание Духхардт, сравнивая художественное творение Гаскара со знаменитой картиной голландского художника тер Борха «Заключение мира в Мюнстере» (1648). Гаскар демонстрирует подписание мира между Францией и Испанией, тер Борх – между Нидерландами и Испанией. Объединяет художников мастерство изображения групп дипломатов и помещение испанской делегации на правой стороне картины. Различий гораздо больше. У тер Борха – миниатюрная картина (45,4×58,5 см), а у Гаскара (161×274,5 см) она занимает целую стену. Тер Борх писал маслом на меди, а Гаскар – на холсте. Городской музей Мюнстера имеет одну копию картины тер Борха, оригинал которой хранится в Лондонской национальной галерее, а полотно Гаскара находится в Музее Het Valkhof в Нимвегене. Но самое главное – по приглашению мэра Амстердама в свите испанского посла графа Пеньярады Герард тер Борх Младший присутствовал на подписании мира, который он изобразил. Гаскар же только через год после Нимвегенского конгресса прибыл в этот город и своими глазами церемонию заключения мира не видел. Именно поэтому, подчеркивает Духхардт, картина Гаскара, которая невероятно близко подошла к «исполнению очевидца», представляет большую ценность. На ней не только максимально точно отражены портреты дипломатов, прекрасно переданы взаимные политические претензии и торжество принципа равновесия сил – полотно Нимвегенского конгресса является реконструкцией истории¹¹.

Тематически связан с предыдущим, но, к сожалению, и не следует за ним в книге, очерк об иконографии Венского конгресса 1814-1815 г., воплощенной в творчестве французского художника Жана-Батиста Изабе. Фактически благодаря этому мастеру можно визуальнo представить образ этого международного форума, исполненный в классических традициях полотен мира. Прибывший на конгресс вместе с Талейраном, Изабе писал портреты позировавших ему поочередно дипломатов. Его «Венский конгресс» (1819) известен и по гравюре Жана Годфруа, выполненной с оригинала. По словам художника, «Мой дом был кулисами конгресса» – ведь в его мастерской для неофициальных бесед встречались полномочные послы и монархи. Сравнивая Изабе с тер Борхом, Духхардт отметил важную особенность его картины: тогда как голландец «фотографировал» акт конгресса, Изабе изобразил не реальное место действия, а искусственную композицию. То был конструкт предполагаемой паузы в дискуссиях протагонистов, которые подчеркнuto небрежно обозначают новую карту Европы и открывают новую фазу международной политики.

¹¹ Duchhardt 2019: 59-90.

Как придворный художник Наполеона, Изабе уже заранее был подготовлен к написанию группового портрета представителей государств, которые вместе не собирались нигде, кроме его картины. Будучи известным портретистом, он был знаком с политической элитой своего времени. Все персонажи на картине расположены по рангу и в подходящих позах. Художник проявил чудо композиционной изобретательности, поместив большую фигуру прославленного маршала Веллингтона к окну, а образы протагонистов – не против друг друга. Подчеркивал ли этим Изабе общность конгресса, примирение Европы? В любом случае, его картина призывала к миру¹².

Не менее интересен, чем «иконографические» исследования, очерк Духхардта о публицистике конгрессов на примере издания «*Friedens-Courier von Soisson*». Раннее Новое время считается первой вершиной мирной публицистики, а международные конгрессы были наивысшей точкой коммуникации. Еще задолго до их открытия, во время переговоров о мире в европейской прессе звучали голоса публицистов, а в ходе работы конгрессов в дело включались сами дипломаты, стараясь представить свои усилия в наилучшем свете. С начала XVIII века европейцы имели много возможностей быть проинформированными о войне, переговорах, встречах монархов и дипломатов, династических альянсах в специальных международных изданиях, где фигурировали понятия «Европа», «внешняя политика» и словосочетание «со всего мира». Информация содержалась в журналах высокого типографского качества – «*Mercurius Europae*» (*Европейский Меркурий*), «*Golus Europae*» (*Европейская Слава*), «*Kurier der Welt*» (*Курьер Мира*) (*Friedens-Courier*) и других, и дополнялась политическими памфлетами и выдержками из апробированных университетских диссертаций на актуальную тематику. Их общий вывод сводился к тому, что баланс сил на континенте должен иметь место между державами, а не между миром и войной.

«Европа не может прийти в себя скоро, когда мир и война в равновесии полно: одни королевства дружны добровольно, другие – друг против друга стоят», – писал анонимный автор стихотворения, помещенного в «*Friedens-Courier von Soisson*» в 1728 г. По сути, уже конгресс в Рисвике 1697 г., завершивший войну Аугсбургской лиги (иные названия этого общеевропейского конфликта – Девятилетняя война, или война за Пфальцское наследство), и конгресс в Утрехте генерировали новый «медиаальный тип», целью которого было периодически знакомить европейское общество с развитием переговорного процесса, и, конечно, комментировать происходящие события. Для ознакомления публики и ее международно-правового просвещения вскоре издавались подробные материалы этих конгрессов. Например, издание документов Рисвикского конгресса появилось уже в 1699 г.¹³

¹² Duchhardt 2019: 143-145.

¹³ Duchhardt 2019:91-92, 108-109; *Actes et Memoires des Negotiations de la Paix de Ryswick 1699*.

«Забытые» конгрессы и «неизвестные» имена дипломатов – могут ли исследователь международных отношений не заинтриговать эти проблемы? В двух очерках книги Духхардт обращается именно к ним. Казалось бы, что историки еще могут написать о провальном конгрессе в Немирове 1737 г. во дворце графа Юзефа Потоцкого, на котором представители России, монархии Габсбургов и Османской империи не смогли прийти к компромиссу? Немецкий ученый демонстрирует новый ракурс этого конгресса, сосредоточив внимание на причинах его забвения, и, прежде всего, на политической культуре дипломатов.

Немировский конгресс не был «большим» международным форумом в том смысле, что он не привел к определенным решениям, которые имели место на конгрессе в Белграде, завершившем русско-турецкую войну 1735-1739 годов. В Немирове не закончилась война, и не был заключен мир не только вследствие неопределенной ситуации после военной кампании 1736 года, но и из-за недостаточно высокого дипломатического умения, по выражению Духхардта, «тщеславных» представителей договаривавшихся государств. Ни с какой стороны не были сделаны решительные шаги к улучшению существующего положения, и в результате мирный конгресс провалился и стал «забытым»¹⁴. Собственно, и Белградский мирный договор, по сути, сводивший на нет результаты русско-турецкой войны, нельзя назвать успешным. Но, по крайней мере, он привел к миру и действовал фактически до заключения Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г.

Духхардт полагает, что Венский конгресс только приблизительно отслежен, а в многочисленных исследованиях этого события имеются штампы, ориентирующиеся на ясные источниковые и визуальные следы. А если эти следы противоречивы? Поэтому в истории этого конгресса и фигурирует «неизвестный англичанин», «фантом», в жизни которого до сих пор имеются спорные моменты. Тем более, персоной, которую не запечатлел на своей знаменитой картине художник Изабе, являлся не кто иной, как Эдвард Гиббон Уэйкфилд (1796–1862) – английский авантюрист и экономист, представитель классической политической экономии. Духхардт попытался выяснить проблему Уэйкфилда на основе довольно скудных источников, отметив, что в биографических ссылках к работам по Венскому конгрессу о нем не найдено никакой информации, как и в классических справочниках дипломатических представителей всех стран, но в статье из Википедии (немецкая версия), послужившей стимулом для его исследования, в отличие от англоязычного варианта, указывается, что наряду с другими британскими послами Уэйкфилд был послан на конгресс королем Георгом III, но никакой значительной роли на нем не играл. Кстати, русскоязычная версия Википедии и вовсе не упоминает о дипломатической деятельности Уэйкфилда, сосредоточив внимание на его авантюрных мероприятиях.

¹⁴ Duchhardt 2019: 111-141.

Обратившись к корреспонденции лорда Карлсри в 12 томах (Венскому конгрессу посвящен том 10), Духхардт обнаружил, что упоминаемый об его присутствии в Вене нет, но время от времени в письмах членов посольства его имя всплывает, что может свидетельствовать о том, что Уэйкфилд все же присутствовал на конгрессе. Учитывая особенности почтовой службы в сложное для Европы время, необходимость сохранения тайны дипломатической и личной переписки членов конгресса, многие письма в то время не подписывались, что могло иметь место и в случае Уэйкфилда. Более того, образованный и ловкий молодой человек, на завершающей стадии Наполеоновских войн служивший королевским посыльным, ответственным за дипломатическую корреспонденцию со всей Европы, а в 1814 г. ставший личным секретарем британского посла в Турине, мог быть задействован на курьерской службе и совмещать ее со своими обязанностями в Италии. Правда, когда король Сардинии посещал конгресс, в составе савойской делегации Уэйкфилд не числился. Все может быть, но, несмотря на вполне логичные предположения, четких доказательств присутствия Уэйкфилда в Вене не обнаружено. И данные из Википедии о том, что он не играл особой роли на конгрессе, пишет Духхардт, можно расценивать в том смысле, что он вообще там отсутствовал¹⁵.

По сути, исследование, или, точнее, исследования Х. Духхардта можно разделить на три группы – иконография мирных Конгрессов, публицистика и дипломатическая культура, и поэтому некоторые очерки книги лучше бы смотрелись в проблемном, а не в хронологическом варианте расположения. При этом все группы исследований, презентуя главную ценность человечества – мир, являются самостоятельными, дискуссионными и относительно незавершенными темами. В этом плане значимость книги сложно переоценить: немецкий историк представляет свежие акценты в изучении международных отношений и дает импульс для новых рефлексий и исследований в области взаимодействия культуры и дипломатии.

Исследование мирных Конгрессов во время Вестфальской системы сталкивает ученых не только с меняющимися концепциями международных отношений, но также с новыми практиками презентации дипломатии в Европе. Переговоры между государствами и заключение мира внесли значительный вклад в цивилизационное наследие континента и в символическом плане являлись способом демонстрации политического единства, как европейских держав, так и государей и их подданных.

Долгие годы конфликтов, как это ни парадоксально, способствовали растущему восприятию «Европы» как международного сообщества, а перформативная природа и художественное оформление Конгрессов подчеркивали, как европейский характер мира, так и протопатриотические настроения, которые он вызывал. Любой мир служил цезурой, гра-

¹⁵ Duchhardt 2019: 153-166.

ницей конкретного исторического периода, и фактор перехода от войны к миру являлся сильнейшим стимулом трансформации государственного устройства в русле монополизации власти, развития торговли, банковской системы, производительных сил и культуры, что меняло отношение людей к собственной личности и к окружающей среде. Публичность международных конгрессов можно также рассматривать в русле развития права народов (*jus gentium*) и как акт гуманитарной дипломатии. Репрезентативное и дипломатическое искусство примиряло и объединяло противников даже в условиях жесткой конкуренции. Мирный Конгресс был также призван минимизировать тяжелое наследие конфликтов в исторической памяти.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт. с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. 868 с. [Grozij G. O prave vojni i mira: Reprint. s izd. 1956 g. Moscow: Ladomir, 1994. 868 s.]
- Ливий Т. История Рима от основания города. М.: Литрес, 2018. 2920 с. [Livij T. Istorija Rima ot osnovanija goroda. Moscow: Litres, 2018. 2920 s.]
- Actes et Memoires des Negotiations de la Paix de Ryswick. 4 v. La Haye: Adrian Moetiens, 1699.
- de Bruin R. E., van der Haven C., Jensen L., Onnekink D., ed. Performances of Peace: Utrecht 1713. Leiden: Brill, 2015. 304 p.
- Dingel I., Paulmann J., Schnettger M., Wrede M., hrsg. *Theatrum Belli – Theatrum Pacis. Konflikte und Konfliktregelungen in fruehneuzeitlichen Europa*. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2018. 320 S.
- Duchhardt H., Espenhorst M., hrsg. *Utrecht-Rastatt-Baden 1712-1714. Ein europaeisches Friedenswerk am Ende des Zeitalters Ludwigs XIV*. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2013. 422 S.
- Duchhardt H. *Friedens-Miniaturen. Zur Kulturgeschichte und Ikonographie des Friedens in der Vormoderne*. Munster: Aschendorff Verlag, 2019. 184 S.
- Kaulbach H.M., hrsg. *Friedensbilder in Europa 1450-1815. Kunst der Diplomatie, Diplomatie der Kunst*. Berlin/Munchen: Deutscher Kunstverlag, 2013. 160 S.
- Klessman B. *Bellum solemne. Formen und Funktionen europaeischer Kriegserklaerungen des 17. Jahrhunderts*. Mainz: Philipp von Zabern, 2007. 275 S.
- Schild G., Schindling A., hrsg. *Kriegserfahrungen. Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit*. Paderborn: Schoeningh, 2009. 207 S.

Ивоина Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, Смоленский государственный университет; ivonins@rambler.ru

Presentation of Europe

The article presents a reflection on the recent book by H. Duchhardt, "Friedens-Miniaturen. Zur Kulturgeschichte und Ikonographie des Friedens in der Vormoderne". A study of Peace Congresses during the Westphalian system confronts scholars not only with new concepts of international relations, but also with new practices in the presentation of European diplomacy. Analyzing the iconography, journalism and the diplomatic culture of peaceful Congresses, the German historian gives impetus to new reflections and researches in the field of the interaction of culture and diplomacy. The author of the article believes that the performative nature and decoration of the Congresses emphasized both the European character of the Peace and the proto-patriotic moods it evoked.

Keywords: Peace, International Congress, iconography, diplomacy, symbolism, painting, journalism

Ljudmila Ivonina, Dr. Sc., Professor, Department of History and Law, Smolensk State University; ivonins@rambler.ru